

культурных смыслов, а также интеграции культуры в целом. Именно поэтому она относится к искусству. [4. с. 56].

В силу того, что художественный дискурс создаёт воображаемые миры, он легче, чем непосредственный опыт, приводит к рефлексии: анализу природы кодов, их осмыслению, – что способствует более осознанному отношению к культурной среде.

Создавая «возможные миры», художественный дискурс «открывает» читателю возможность общения в ином измерении. Познавая многомерность реального мира, читатель преодолевает его пространственно-временные рамки, погружаясь в один из «возможных миров». Активное мысленное взаимодействие с ним, рефлексия над прочитанным ведут к открытиям и откровениям, расширяющим ментальное пространство за счёт проникновения «чужих» концептов и образов, что в совокупности способно изменить сознание. Если реальное общение и образование последовательно формируют личность, то воображаемое общение может многое изменить в сознании мгновенно, как результат озарения – такова сила образа, логика фантазии. Здесь смысл бытия обретается не в результате долгих поисков, а преподносится как дар – готовая мудрость жизни. Вот почему так мучительно даётся выбор в жизни и так необратимы его последствия, а в литературе выбор ведёт к катарсису – очищению и высветлению души.

Литература

1. *Барт Р.* Структурализм как деятельность. Смерть автора. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1995.
4. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970.
5. Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. Сб. переводов. М., 2000.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАРРАТИВОВ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ И НЕГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

М. С. Фабрикант

Феномен национальной идентичности играет особую роль в современной социогуманитаристике, находясь одновременно в проблемном поле двух совершенно различных исследовательских программ – кросс-культурной психологии и историко-социологических исследований наций и национализма. Для кросс-культурной психологии характерно рас-

смотрение национальной идентичности как пограничного явления, актуализирующегося при межкультурных контактах на индивидуальном уровне или при аккультурации мигрантов; при этом ориентация на изучение отдельных проявлений национальной идентичности посредством проведения узко сфокусированных эмпирических исследований сочетается с программной атеоретичностью [1; 2].

Для междисциплинарных исследований наций и национализма, напротив, характерно стремление к выстраиванию макроуровневых социологических и социально-философских теорий мира наций на основании кратких исторических обзоров. В рамках данного направления понятие национальной идентичности до совсем недавнего времени, по сути, трактовалось как идентичность, то есть, сущность феномена национальности, и лишь в последние годы исследователи стали предпринимать сколько-нибудь систематические попытки изучения психологических аспектов национальной идентичности [3; 4; 5; 6]. Возникшие при этом трудности указывают на невозможность преодоления дисциплинарных барьеров посредством простого эклектического компоновки социологических теорий национализма и социально-психологических теорий идентичности. Необходимость более системного уровня теоретизирования дополняется еще более непосредственно ощущаемой потребностью в разработке методической программы изучения феномена национальной идентичности, специфицированной по отношению к предмету исследования в том виде, как он представлен в теоретико-концептуальной повестке дня.

В нашем исследовании имиджи национальной идентичности граждан Республики Беларусь мы использовали возможности как количественных (авторский стандартизованный опросник), так и качественных (нарративный анализ) методов [1; 7]. В данной работе представлена часть результатов, полученных посредством нарративного анализа письменных нарративов национальной идентичности, составленных студентами белорусских вузов гуманитарных и негуманитарных специальностей (по 100 респондентов в каждой выборке). Единицей анализа послужил темпоральный эпизод, определяемый нами как фрагмент текста нарратива, ограниченный с обеих сторон изменением типа темпоральной конфигурации по хотя бы одному из следующих критериев: границы временного потока (индивидуальная, национальная либо мультинациональная история), позиционирование излагаемых событий относительно момента наррации (завершенное прошлое, прошлое, продолжающееся до момента наррации, вневременная вечная истина, расширенное настоящее, будущее), событийное заполнение временного потока (непрерывно продолжающееся в течение определенного промежутка времени; единичное событие; класс событий, повторяющихся при определенных условиях в

пределах определенного промежутка времени); приписываемый нарратором онтологический статус излагаемых событий (события, относящиеся к объективной действительности; возможные события; полностью вымышленные нарратором события). Каждый темпоральный эпизод был классифицирован по четырем параметрам: темпоральная конфигурация, содержание темпорального эпизода, оценочная позиция нарратора, специальные лингвистические приемы и особенности наррации. Сопоставление частот встречаемости темпоральных эпизодов различных типов в нарративах студентов гуманитарных (далее – гуманитариев) и негуманитарных (далее – негуманитариев) специальностей позволило обнаружить существенные различия по всем указанным параметрам.

Сравнение частот встречаемости различных темпоральных конфигураций позволило выявить следующие статистически значимые различия ($\chi_{\text{эмп}}=33,538$, $p \leq 0,01$):

гуманитарии в процессе наррации своей национальной идентичности чаще, чем негуманитарии, расширяют границы временного потока до надъиндивидуальных – национальных и мультинациональных – событий, при этом привлечение утверждений о природе мира наций как такового является одинаково характерным для обеих выборок;

гуманитарии чаще, чем негуманитарии, организуют нарратив посредством описания развернутых периодов времени в противовес упоминания единичных событий;

негуманитарии чаще, чем негуманитарии, включают в нарратив темпоральные эпизоды, относящиеся к событиям будущей индивидуальной истории нарратора, в то время как для гуманитариев характерна большая частота темпоральных эпизодов, относящихся к будущей истории нации, к которой нарратор себя относит.

Сравнение нарративов гуманитариев и негуманитариев по содержанию обнаружило следующие различия в самотематизировании национальной идентичности ($\chi_{\text{эмп}}=50,579$, $p \leq 0,01$):

- негуманитарии чаще эксплицитно констатируют собственную национальную принадлежность, в то время как гуманитарии чаще, чем негуманитарии, обращаются к тематике значимости национальной идентичности для ее носителя вообще и собственной национальной идентичности для себя в частности;

- негуманитарии чаще, чем гуманитарии, артикулируют позитивное отношение к своей нации, в то время как последние чаще упоминают проблемы, связанные с дефицитом консенсуса и эмоциональной вовлеченности в формировании и поддержании национальных идентичностей, соответствующих нации нарратора;

- в нарративах о национальной идентичности негуманитарии чаще

упоминают аутостереотипные характеристики своей нации, а гуманитарии чаще выстраивают сюжеты, раскрывающие темы межкультурных контактов, а также затруднений, сопровождающих национальную самоидентификацию.

Привлечение в качестве параметра сравнения оценочной позиции нарратора позволило дополнительно конкретизировать различия в нарративах национальной идентичности ($\chi_{\text{эмп}}=39,444$, $p \leq 0,01$):

- негуманитарии чаще оценивают содержание своих нарративов как универсальную истину, чем гуманитарии, для которых характерно разграничение декларируемой нарративной объективности в изложении событий и акцентирование субъективности предлагаемых интерпретации;

- негуманитарии чаще актуализируют эмоциональный мотив преданности своей нации, для гуманитариев же более характерно высказывание осуждения соотечественников за недостаточную степень преданности к своей нации и, реже, поиск возможностей их оправдания.

- Наконец, нами были выявлены статистически значимые различия, относящиеся к лингвистическим особенностям наррации, присущим каждой из сопоставляемых выборок ($\chi_{\text{эмп}}=36,741$, $p \leq 0,01$):

- негуманитарии в нарративах о своей национальной идентичности прибегают к значительно более формальному языку, чем гуманитарии, чаще используют клише и отдельные слова, относящиеся к официально-деловому стилю речи;

- эта особенность нарративов негуманитариев крайне интересным образом сочетается с частыми заимствованиями из публицистических речевых конструкций, выражающих патриотический пафос, по сравнению с которым нарративы гуманитариев выглядят значительно более сдержанными;

- для нарративов гуманитариев характерны речевые фигуры, подчеркивающие субъективность нарратора – напрямую («по моему мнению», «на мой взгляд», «мне кажется») и косвенно, посредством снижения категоричности высказываний («возможно», «немного», «в какой-то степени»).

Таким образом, на основании обнаруженных нами особенностей нарративов о национальной идентичности студентов гуманитарных и негуманитарных специальностей можно сделать вывод о том, что различия между этими двумя группами респондентов обусловлены не столько степенью содержательной осведомленности о рассматриваемом феномене, сколько особенностями наррации в целом и, прежде всего, в стиле позиционирования нарратора по отношению к разноуровневым соотношениям проявлений одного и того же социально значимого явления. Ес-

ли негуманитарии позиционируют себя как индивидуального носителя национальной идентичности в оппозиции к общенациональному контексту, то для гуманитариев характерно самопозиционирование носителя национальной идентичности как своего рода замены метафорического «коллективного субъекта» своей нации в оппозиции к глобальному контексту мира наций. Следует подчеркнуть, что выявление этих скрытых и всеобъемлющих различий оказалось возможным именно благодаря особенностям использованной нами модификации метода нарративного анализа.

Литература

1. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. – Мн., 2000.
2. Smith P.B. Nations, cultures, and individuals: New perspectives and old dilemmas. // Journal of Cross-cultural psychology. Vol. 35. 2004. № 1. P. 6–12.
3. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – NY, 1991,
4. Gellner E. Nations and Nationalism. – Ithaca, 1983.
5. Hobsbawm, E.J. Nations and Nationalism Since 1780. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
6. Hübner K. Das Nationale: Verdrängtes, Unvermeidliches, Erstrebenswertes. – Graz, Wien, Köln, 1991.
7. Wortham S. Narratives in action. A strategy for research and analysis. — NY, 2001.

ОСНОВНЫЕ АГЕНТЫ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Е. В. Шедько

В настоящее время, в условиях ярко выраженных изменений в полоролевой стратификации общества, фактор пола стал важнейшей составляющей многих серьезных социологических и педагогических исследований. Гендерные исследования помогают более четко акцентировать внимание на изучении различий и сходств в социальном поведении мужчин и женщин, на чертах, стереотипах, ролях, считающихся типичными для них. Принадлежность к полу влечет за собой обретение определенных социальных возможностей и ограничений, именно гендерные исследования помогают определить и преодолеть неравноправное положение женщин и мужчин в обществе.

Неоспоримым фактом остается то, что основы мировосприятия человека закладываются еще в детстве, в дошкольном возрасте на ребенка оказывает влияние не только семья, но и внесемейные учреждения, где ребенок проводит большую часть времени: детский сад, всевозможные курсы и кружки, образовательные центры. Учитывая тот факт, что в на-